

УДК 902/904:168.522

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-53-59

Савинов Д. Г.,
Окладникова Е. А.

**АРХЕОЛОГИЯ И ГЕРМЕНЕВТИКА
(ОПЫТ СОВМЕСТНОГО РАЗМЫШЛЕНИЯ)**

Савинов Дмитрий Глебович, доктор исторических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: savinov.dg@mail.ru
Окладникова Елена Алексеевна, доктор исторических наук, профессор. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Аннотация

Предлагаемая статья-диалог выросла из материала интервью, которое провела Е.А. Окладникова – археолог и социолог культуры, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, член международного совета редакционной коллегии «Научного результата» – со своим весьма известным коллегой, профессором кафедры археологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Д.Г. Савиновым. При подготовке этого интервью к публикации собеседники провели дополнительную дискуссию и преобразовали первичный материал в полноценный исследовательский текст. В статье уточняются перспективы современного археологического знания с точки зрения герменевтики; при этом соавторы обращаются, прежде всего, к опыту собственных исследований – древней истории и археологии степных Центрально-Азиатских обществ и Южной Сибири (Д.Г. Савинов) и археологии наскального искусства Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока (Е.А. Окладникова). В связи с этим выявляются возможности археологии в структуре целостного университетского образования, проектируемого как гуманитарное, герменевтико-диалогическое в своей основе.

Ключевые слова: археология; герменевтика; реконструкция; интерпретация; диалог.

Savinov D. G.
Okladnikova E. A.

**ARCHAEOLOGY AND HERMENEUTICS
(EXPERIENCE OF JOINT REFLECTIONS)**

Savinov Dmitri Glebovich, Doctor of Historical Sciences, Professor. Saint Petersburg State University
7-9 University Emb, St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: savinov.dg@mail.ru
Okladnikova Elena Alekseevna, Doctor of Historical Sciences, Professor. Herzen University
48 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Abstract

This article grew out of an interview, which was held by prof. Elena A. Okladnikova, an archaeologist and sociologist of culture, with a very famous colleague prof. Dmitri G. Savinov. The article clarifies the prospects of modern archaeological knowledge as primarily hermeneutic. The collaborators seek, above all, the experience of their own researches in some different fields (ancient history and archeology of the steppe of Central Asian societies and Southern Siberia, and archeology of rock-painting or petroglyphs in Central Asia, Siberia and the Far East). In this regard, the possibility of archeology in a holistic structure of university education is revealed, designed as a humanitarian or hermeneutics and dialogical in its fundamental presuppositions.

Keywords: archeology; hermeneutics; reconstruction; interpretation; dialogue.

Проблематизация качественного знания о прошлом, делающая историческую науку наукой, становится сегодня предметом размышлений многих археологов. Дело в том, что одной из насущных задач археологии, начиная с конца XIX в. стала реконструкция исторических процессов, которая опирается на археологические источники. Так, реконструкция социальных

отношений, духовной культуры дописьменных обществ, как правило, опирается на ряд априорных допущений, которые усиливаются историческими аналогиями, ожиданиями исследователя и его здравым смыслом. Но правильная теоретическая рефлексия в археологии, которая следует за анализом археологических артефактов (эмпирических

данных), часто бывает основана на интуиции, т.е. является результатом сложной, кропотливой, фундированной опытом процедуры, опирающейся на конкретно-историческую и философскую подготовку.

В середине XX в. в научных кругах сформировалось представление, что археология – это не просто сбор артефактов, их классификация и типология, о которой критически высказывался американский археолог Клайд Клакхон [2, с. 40], но область знания, которая должна ответить на множество вопросов: почему и как происходили трансформации культур (культурно-историческая археология) [1, с. 65; 10], что заставляло создателей этих культур осуществлять передвижения на большие расстояния (процессуальная археология), какие социальные структуры и отношения между социальными группами были у носителей этих культур (эволюционная археология), какие смыслы, намеренно или безотчетно, вкладывались в создаваемые артефакты (герменевтическая археология). В 1980-1990 гг. герменевтическая археология получила название пост-процессуальной [7] и была ориентирована на изучение когнитивных, символических и идеологических аспектов человеческого поведения без придания им некоторой универсально-теоретической формы. Фокус внимания исследователей здесь все больше направлялся на выявление и интерпретацию символических начал археологических познавательных практик; уточнялась своего рода познавательная незавершенность археологических культур.

Ни один ученый не может составить окончательно истинное представление о прошлом. Он будет смотреть на него с позиций собственного опыта, вполне возможно, не всегда явных для него самого – палеоэтнографических, например, предпосылок [4, с. 110; 11; 8]. На практике это означает, что эмпирические данные активно упрочиваются, перевоссоздаются археологами, которые эту культуру изучают и интерпретируют, удостоверяют собственным опытом ее фактичность. Однако понимание предпосылочной глубины познавательного опыта археолога, на которую так или иначе указывает герменевтическая археология, не может быть сведена к некоторому познавательному релятивизму; релятивистский аргумент – это своего рода антипозитивизм, отрицательная метафизика археологического знания. Здесь же дело идет о принципиально ином: под вопросом оказывается не только археологическая культура или авторы ее артефактов, но и сам

исследователь, фактически уточняющий эту культуру в ее открытом смысловом единстве, своего рода герменевтическом «бессмертии».

Д.Г. Савинов. Современная археология постепенно, но очень последовательно отходит от своей классической формы «позитивного знания», знания в пределе самодостаточного и автономного, заключающего в себе некие последние высшие истины насчет начал человеческой истории, или, напротив, знания, которое обречено на некий логический минимализм и скептицизм в отношении археологических изысканий. Все крепче становится методологическая оснастка; большее значение начинают приобретать (да уже приобрели) технически хорошо оснащенные подходы к анализу археологического материала. Становятся все более виртуозными исследовательские программы; тем самым археология как бы отдалается от человека, создателя культурных ценностей, и вольно или невольно приближается к самому исследователю – к тем методологическим условиям исследовательского поиска, от которых все более зависим теперь археолог.

Перед нами, стало быть, встают две взаимосвязанные проблемы: как возможно соотносить технико-методологическую, так скажем, стратегию археологического исследования и собственно герменевтическую, или интерпретативную стратегию анализа археологического материала.

Однако прежде чем перейти к обсуждению основной темы нашей дискуссии – археология и герменевтика – необходимо уточнить некоторые положения. Во-первых, содержание самого термина «герменевтика» не всегда было столь однозначным. Изначально, в античный период развития археологии знаний, это способ распознавания неподлинности произведений античного искусства, т.е. подделок. Сейчас это наука о подлинности. Подлинности чего? – источника (применительно к археологии – артефакта), адекватности отражения в нем исходной модели, или подлинности интерпретации исследователя, оперирующего данным артефактом? Согласитесь, что таксономия степени отражения действительности (или допущения к ней) будет различна.

Во-вторых, это достаточно сложное противопоставление содержания понятий семантика и семиотика (не говоря уже о прагматике, наиболее приближенной к способу существования артефакта).

Семиотический и семантический анализ артефакта – это два встречных взгляда на один и тот же предмет. Семантика – это взгляд на то или

иное явление древней культуры со стороны ее творца, попытка зафиксировать содержательные моменты артефакта через его авторские значения. Семиотический анализ – это способ, с помощью которого сам исследователь обобщает полученный фактический материал на теоретическом уровне. Поэтому многие семиотические определения в области древней истории и археологии ближе к культурологии, чем к археологии, и скорее касаются архетипических понятий (типа «культ мирового дерева», «культ Великой богини», «культ мировой горы» и т.п.), нежели их проявлений в конкретном обществе (в памятниках культуры конкретного общества).

Е.А. Окладникова. В своих рассуждениях Д.Г. Савинов исходит из бесспорного, на мой взгляд, тезиса: всякий археологический памятник есть культурный артефакт. При этом мы имеем дело не только со следами неких социальных или психологических законов, которые фиксируются тем или иным культурным слоем, «оседают» в нем, но с некоторым смысловым культурным единством, как бы перевоссоздаваемым в ходе археологического исследования, которое, в свою очередь, является некоторым культурно-историческим участием в исследуемом предмете. И чем отчетливее мы будем представлять себе нашу позицию, методологические приборы нашего видения, которые усиливают его в определенных аспектах, тем честнее, корректнее будет исследовательский вывод и результат. Нельзя претендовать на окончательное знание культурного артефакта, поскольку он артефакт, в котором мы принимаем исследовательское участие, но нельзя и впадать в некое познавательное уныние. На некотором ценностном уровне понимания установок современного археологического исследования требуется методологическая откровенность, сдержанность и герменевтический оптимизм.

Но значит ли это, что археология имеет своей ближайшей перспективой некую палеокультурологию, интерпретацию археологических находок посредством некоторых предзаданных органических форм культурологического знания?

Д.Г. Савинов. Установки есть всегда. Но они не фатальны, если мы соблюдаем некоторый минимум исторического самопонимания. Нельзя забывать, что археология начиналась как палеоэтнография. В категориальной базе археологии доминировали такие понятия, как «человек и среда», «народоведение», «культурный ареал». Рука человека коснулась каждого

искусственно сделанного орудия. Нет археологического артефакта – изделия, возникшего без человеческой деятельности. Значит, за каждым из них стоит человек. А человек живет в какой-то среде. Это и есть палеоэтнография, вполне семантически ориентированная исследовательская практика. Более семиотична палеоэтнология. Это немного другой ракурс изучения древности. Палеоэтнологический подход к изучению артефактов можно представить как некую социокультурную призму. Понять суть этого подхода можно тогда, когда вы, как специалист, поворачиваете «призму» нужной для вас стороной. Тогда теоретически можно получить «слепок» какого-то культурного мира, представленного конкретным этнографическим комплексом. Что же касается палеокультурологии, – я не сторонник стремительного «исправления имен», пока не исчерпаны методологические ресурсы уже существующих и вполне продуктивных исследовательских процедур. Как говорил один из выдающихся археологов современности, немало внимания уделявший теоретическим вопросам археологических исследований, Вадим Михайлович Массон: «Не надо перегружать корабль...».

Е.А. Окладникова. Несомненно, острым является вопрос о возможности сравнительных исследований, об условиях, их обеспечивающих. Вы помните, конечно, что А.П. Окладников расшифровывал семантику древних изображений Шишкинских писаниц, обращаясь к ориньякским и мадленским наскальным рисункам, мифам таежного населения Сибири и т.п. [5]. Его за это сильно критиковали, с беспощадным «позитивистским энтузиазмом». Теперь энтузиазм стих, но вопрос остался: является ли сравнительный анализ неким приемлемым способом понимания древних произведений искусства, или это только семантическая отмычка, google-переводчик своего рода – способ предварительного усмотрения и приблизительной дешифровки того, что нуждается в более тонком понимании?

Д.Г. Савинов. Я бы уточнил иначе: в более строгом и ответственном авторском понимании. Необходимо четкое определение и понимание (самим автором!) таких концептов как семантика, семиотика, прагматика, экзегетика, или, собственно, герменевтика. Все они ориентируют на различные уровни (и не стратиграфические, а чаще всего взаимопроникающие) уровни познания одних и тех же явлений. С какого уровня начинать, «От» или «До», от фактов к обобщению, или наоборот – это дело хозяйское, но это должно быть сделано со всей ответственностью, грамотно и доходчиво.

С точки зрения изучения самого материала, наверное, лучше всего двигаться историографически (как пример, в объяснении палеолитического искусства от Жак Буше де Перта до Андре Леруа-Гурана). И само собою, нужно быть весьма осмотрительным в источниковедческом отношении. Герменевтическая адекватность исследователя, вообще говоря, хорошо заметна в его отношении к источникам. Показательна, например, «критика Геродота». Рассказ Геродота о скифах, с одной стороны, является документом, а с другой стороны – компиляцией. Однако его рассказ о скифах, конечно, более документ, ибо Геродот – современник этих событий, в отличие от нас. Тем не менее, это и не источник, а обобщение всего того, что ему о скифах рассказывали. При этом информаторы Геродота были явно представителями разных социальных слоев, разного уровня информированности, возможно, выходцами из разных племен. Геродот смешал всю полученную информацию. Значит ли это, что его знаменитая четвертая книга о «Скифах» не является источником? Нет, не значит.

В этой связи весьма кстати вопрос о расшифровке А.П. Окладниковым самых древних (палеолитических или постпалеолитических) изображений Шишкинских писаниц. Дискуссия по этому поводу, поднятая А.А. Формозовым [6], так и не закончилась, но если говорить о герменевтике, то здесь прочтение глубинного смысла этих произведений А.П. Окладниковым оказывается значительно ближе к истине. «Исторический масштаб» анализа семантики изображений животных Шишкинских писаниц А.П. Окладниковым, подвергнутый критике А.А. Формозовым, показал историчность или, точнее, европоцентричность герменевтической установки последнего. Логика критических замечаний А.А. Формозова сводилась к следующему: да, есть на Шишкинских скалах крупные изображения лошади и быка. Но какое отношение к ним имеют наскальные рисунки Франко-Кантабрийской области? Между тем, именно герменевтика, пользуясь современной терминологией, позволяет с достаточной долей достоверности привлекать для интерпретации столь ранних изображений сравнительный палеоэтнографический (мифологический) материал.

Для каждой исторической эпохи существовала своя система невербальных способов передачи информации. Знание может передаваться с помощью самых разнообразных графем. Вся история культуры начинается со

знаков. Одна система графем может существовать для палеолита. В качестве таких графем можно рассматривать клавиформы или тектиформы. Это очень глубокие по замыслу идеограммы. Для эпохи бронзы это будет система геометрических знаков на андроновской керамике, меандры, солярные символы. Для скифского времени – зооморфный код. Каждая эпоха создает свою систему доминантных знаков, которые отражают мифологему общественного сознания. Соответственно, когда мы говорим о многоуровневом археологическом исследовании, то речь идет об изучении способов передачи информации, большинство из которых имеют знаково-символический, т.е. для современного исследователя древности невербальный характер.

Е.А. Окладникова. Герменевтический анализ и комплексное археологическое исследование – это разные исследовательские программы. Герменевтический анализ археологических артефактов может ограничиться способом существования артефактов, а комплексный анализ в археологии требует привлечения данных из разных областей гуманитарного, и не только, знания для изучения артефактов такого рода. При этом требуется устанавливать связи между представлениями археолога о способе существования артефакта в пространстве и времени и привлекаемыми для такого анализа данными из области психологии, социологии, антропологии, лингвистики и т.п.

Д.Г. Савинов. Теперь еще раз о комплексном исследовании: на мой взгляд, междисциплинарное и комплексное исследование – это очень близкие, но все же разные способы исследования. Междисциплинарное исследование – это работа разных специалистов по всестороннему изучению одного и того же археологического источника (памятника, культуры и прочего). Понятие комплексность подразумевает усилия одного специалиста-археолога, использующего в своей работе данные различных областей научного знания. А это методически не совсем верно, а может быть, даже вредно. Необходимо самое скрупулезное изучение «своего», т.е. одного источника, который должен быть проанализирован до конца, максимально исчерпан данным специалистом.

Только полученную в результате такого анализа модель можно сравнить с выводами в каких-то других дисциплинах.

Но когда специалист-археолог начинает листать словарь, чтобы найти все термины, обозначающие, например, название оленя в

разных языках, а затем утверждает, что «сак» – это олень в этом языке, «сак» – это олень на том языке... на самом деле это не археологическое исследование. Очевидно, комплексное исследование само по себе сейчас невозможно. Оно было достаточно перспективно только на определенной стадии развития науки. Иными словами, энциклопедистов эпохи французского просвещения сейчас нет. Тогда, во времена Вольтера и Руссо, можно было быть специалистом во многих областях, т.к. был накоплен небольшой, но конкретный объем знаний по каждому разделу науки. Сейчас все научные дисциплины стали гораздо специализированнее и шире. Поэтому комплексное исследование сегодня – это опасная вещь и совершенно иная область сравнительного языкознания, к анализу данного артефакта имеющая самое опосредованное отношение.

Е.А. Окладникова. Герменевтический анализ часто используют как синоним семиотического анализа, когда дело касается интерпретации архаических символических форм. Герменевтика в таком случае понимается весьма широко. Процедуры такого анализа выходят за рамки выявления подлинности того или иного археологического артефакта или, например, рисунка, на нем изображенного. Герменевтика понимается в таком случае как выявление семантики изображенной на артефакте сцены или персонажа, часто с помощью привлечения обширного ряда изобразительных аналогий. Цель такого анализа – найти аналогию нарисованной фигуре или объекту, история которого запечатлена верифицированным устным или письменным свидетельством.

Д.Г. Савинов. Вот, к примеру, петроглифоведение – это молодая область науки. Она не имеет законченных теорий. Она пользуется теоретическими конструкциями, взятыми из тех областей знания, к которым имеет отношение: история, археология, искусствоведение, мифология, этнография. Тут скорее следует говорить о когнитивном потенциале петроглифоведения и о предпочтениях самого исследователя. Для меня, например, по замыслу и духу ближе всего работы К.Д. Лаушкина о сюжетных композициях Онежских петроглифов [см.: 3].

Что касается теорий, то это, в первую очередь, теория композиции, изучение взаимного сочетания фигур, характера их расположения на плоскости. Перспектива в наскальном искусстве передается не таким же образом, как в живописи.

Глубина пространства определяется здесь размерами и позами персонажей, взаимным расположением фигур. Это своего рода спектакль, а для того чтобы понять спектакль, надо понять логику действия каждого актера. Надо видеть эту сцену, нужно представить, что стоишь перед ней, а изображения-актеры разыгрывают спектакль перед тобой. И здесь без теории композиции не обойтись.

Поэтому мне не нравится, когда пишут: «образ всадника», «образ кабана»... Такие работы легко писать, но для понимания сути происходящего они бессмысленны. «Всадник», «кабан», «верблюд» и прочие образы оказываются как бы выхваченными из контекста, из конкретной сцены наскального спектакля. Почему этот кабан маленький? А почему тот кабан – свирепый? А почему эта фигура человека перевернута? Это можно объяснить только когда будет проанализирована вся содержательная сторона рисунка вместе с другими участниками. Для этого очень важна хронология, ибо хронология – это инструмент выделения одновременности композиций.

В конечном счете все сводится к идее выделения изобразительного пласта, когда и создатель той или иной наскальной композиции, и ее исследователь находятся как бы в одном культурном пространстве, минуя разделяющее их время. Конечно, это очень трудно, но к этому надо стремиться.

Е.А. Окладникова. Есть такое понятие: «чувство материала». На практике оказывается, что это совсем не «чувство», а компендиум информации, которую археолог набирает в течение долгих лет учебы, а затем работы с конкретным материалом. Хорошему профессионалу достаточно одного взгляда на случайный археологический объект, чтобы это «чувство» позволило определить, принадлежит ли тот или иной археологический предмет изучаемой им археологической культуре или нет. Сложнее бывает с наскальными рисунками. Но и там, например, стоя перед скалой на Алтае или в Монголии с изображенными на ее поверхности рядом друг с другом фигурами животных разных эпох, используя это «чувство», профессиональный исследователь всегда без ошибки сможет выделить образы эпохи бронзы, раннего железа и современные граффити.

Д.Г. Савинов. Вообще, для исследований в области семантики необходимо обладать широким гуманитарным кругозором и огромным запасом сравнительных знаний и ассоциаций.

Именно ассоциаций. Утверждение о том, что что-то «навскидку» похоже, часто бывает ошибочным. Ведь время и пространство чаще всего разделяют сравниваемые явления так, что похоже быть не должно. Археологические артефакты и этнографические данные часто могут отойти довольно далеко от архетипа. Говоря о произведениях изобразительной деятельности, следует подчеркнуть, что в этом случае герменевтика – это анализ подлинности и адекватности параллелей, основанный не столько на типологическом сходстве, сколько на образном соответствии произведений искусства. Изучение эпохально-стилевых приемов, ассоциаций с учетом всего круга источников – это единственно возможный способ утверждения подлинности в работе с такими источниками.

На мой взгляд, герменевтика как подлинность интерпретации должна исходить не из анализа материала верхнего уровня, а из конкретных фактических данных. Главное здесь – промежуточная операция, а именно: построение модели, исходя из неслучайной последовательности (а лучше всего – специализированных особенностей) сравниваемых явлений. Очевидно, что суть герменевтической процедуры в археологическом исследовании заключается в том, чтобы двигаться не от теории к практике, иллюстрируя примерами те или иные теоретические положения, а от практики к теории, аккумулируя сделанные наблюдения в систему, которой можно придать определенное теоретическое обоснование.

Е.А. Окладникова. Тут возникают очень важные вещи с точки зрения современного гуманитарного образования, на мой взгляд. Археология является школой, конкретной, обстоятельной школой, уникальным практикумом гуманитарного мышления, герменевтического по своей сути. И продуктивного, и просто захватывающего.

Д.Г. Савинов. Это определяется тем местом, которое археология занимает в современных школьных и вузовских программах гуманитарного образования... или хотя бы программах культурно-исторического туризма! Мало кто из добротного образованных в гуманитарном отношении людей не слышал о «королеве» пещер с наскальной живописью, с ее неповторимыми загадками, на которые до сих пор стараются ответить исследователи. Но цветной альбом (хотя бы альбом!) на русском языке росписей Альтамыры вы днем с огнем не найдете. Последнее монографическое издание с цветными

вкладками – книга А.П. Окладникова «Утро искусства» [5], книга 1967 года, между прочим. В этом году ей уже пятьдесят исполняется. И ни одного переиздания. И с другими пещерами-гигантами примерно так же. Я уже не говорю об отечественных памятниках: в основном технические издания для специалистов, с прорисовками и т.п. А попробуйте посетить эти места. В Европе – индустрия, а у нас некий эзотерический подход, не культурно-исторический, а именно экстремальный туризм.

Е.А. Окладникова. Есть, конечно, просветы, прекрасные издания. О недавно открытой пещере Шове Вернер Херцог снял фильм, и его уже показывают у нас, но это все именно эзотерика пока. И на фоне этого – дискуссии о происхождении человека, исторических началах человеческой культуры, в которые охотно пускаются люди, но ведут их с шокирующей гуманитарной, или, точнее сказать, археологической и герменевтической наивностью. Но миссия археолога – совсем не эзотерическая. Нам есть что сказать, и мы должны многое сказать тем, кто получает сейчас социологическое, психологическое, искусствоведческое образование. И не только... Ситуация требует очевидного вмешательства со стороны гуманитарного сообщества. Требуется комплексное, конечно, решение. Но вот, на мой взгляд, совершенно нестерпимая ситуация с переводами. Мы вынуждены работать популяризаторами чужих текстов, давно уже ставших классикой. Почему не перевести шедевры археологической мысли, как переводят памятники всемирной литературы или памятники истории философии? Почему так мало переводов работ зарубежных классиков археологии, например, А. Леруа-Гурана, А. Брейля, А. Ляминг-Амперер на русский язык?

Д.Г. Савинов. Здесь пересекаются несколько проблем. Одна проблема заключается в том, что у нас до сих пор сохраняется отрицательный стереотип того, что еще недавно называли «буржуазными школами» в науке. Конечно, есть серии изданий в исторической области, но опять же в «переложении». Вторая проблема заключается в том, что для того чтобы взяться за такие переводы, нужно быть очень хорошо подготовленным специалистом, хотя бы до того уровня знаний, который использовал переводимый автор. Надо знать не только его работу, но и всю ее предысторию, обстановку, в которой писалась эта работа. Например, тот же А. Леруа-Гуран, если переводить его, не имея

представления обо всех предшествующих теориях происхождения искусства, как правило, более доходчивых и простых, (теория «простого этапа», теория «макарон», «магическая теория»), то А. Леруа-Гуран будет читаться просто анекдотически [8]. Хотя его теория происхождения искусства абсолютно революционна. Наконец, сейчас некому делать переводы. Для того чтобы заниматься переводами, надо знать язык. Школьная языковая подготовка очень слабая. Университет – бакалавриат, уровень техникума, «ликбез». Бакалавров приходится доучивать за школу. А потому уже не до переводов.

Похоже, что современная археология представляет собой симбиоз различных школ, направлений и течений научной мысли. Но ведь концепции, теории, связанные с ними методики – это инструментарий, который археологи вольны использовать в своей работе в зависимости от того, что диктует материал и какие цели ставит перед собой исследователь. Применение в работе над разными по характеру памятниками различных методик и руководство разными объяснительными теориями может быть продуктивным. Как показала практика комплексного подхода, такие приемы позволяют получить «объемное» видение предмета исследования. Данные таких разработок в области археологии могут быть не противоречащими, а взаимодополняющими друг друга. И тогда, возможно, удастся «не упустить Диогена...»¹.

Литература

1. Амальрик, А.С., Монгайт, А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука, 1966. 279 с.
2. Клакхон, К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: Евразия, 1998. 352 с.
3. Лаушкин, К.Д. Онежское святилище. 1. Новая расшифровка петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Таллинн. 1959. С. 83-111.

¹ Выдающийся английский археолог Мортимер Уиллер полагал, «что археолог найдет бочку и упустит Диогена. Он напишет глубокие исследования по типологии бочек, он классифицирует бочки по категориям А, Б и В, он откроет народ бочек и нанесет его путешествия на географические и геофизические карты. ... Единственное, что он проглядит и не сможет не проглядеть, это одна существенная вещь относительно этой бочки – а именно, что она служила убежищем для выдающегося киника и символизировала его философию на все времена». – Цит. по: Системная классификация археологической науки [Электронный ресурс] URL:<http://www.sati.archaeology.nsc.ru/classarch2/classarch/term.php?term=39> (дата обращения: 10.02.2016)

4. Мартынов, А.И., Шер, Я.А. Методы археологических исследований. М., 2002. 240 с.

5. Okladnikov, A.P. Утро искусства. Ленинград: Искусство. Ленинградское отделение, 1967. 136 с.

6. Formozov, A.A. Человек и наука: Из записей археолога [Сетевая книга] URL: <http://qwercus.narod.ru/zz/formozov.htm> (дата обращения: 20.02.2016).

7. Binford, L. R. Archaeological perspectives // S. R. and L. R. Binford (eds.). *New Perspectives in archaeology*. Chicago, Aldine, 1968. Pp. 5–32.

8. Childe, V. G. *Piecing Together the Past: The Interpretation of Archaeological Data*. Publisher: Frederick A. Praeger. N.Y. 1956. 188 p.

9. Leroi-Gourhan, A. *The Dawn of European Art: An Introduction to Palaeolithic Cave Painting*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

10. *Method and Theory in American Archaeology*. Univ. of Chicago Press, Chicago. 1958. 280 p.

11. Wobst, H. M. The Archaeo-Ethnology of Hunter-Gatherers or the Tyranny of the Ethnographic Record in Archaeology // *American Antiquity*. 1978. № 43. Pp. 303–308.

References

1. Amal'rik, A. S. and Mongait, A. L. *Looking for the Lost Civilizations*. Moscow: Nauka, 1966. 279 p.

2. Kluckhohn, C. *Mirror for Man. Introduction to Anthropology*. St. Petersburg: Evrazia, 1998. 352 p.

3. Laushkin, K. D. Onega Sanctuary. 1. A New Interpretation of the Petroglyphs of Karelia. *Scandinavian Collection*. Tallinn. 1959. Pp. 83-111.

4. Martynov, A. I., Sher, Ya. A. *The Methods of Archaeological Research*. Moscow, 2002. 240 p.

5. Okladnikov, A. P. *The Morning of Art*. Leningrad: Iskusstvo, 1967. 136 p.

6. Formozov, A. A. *Man and Science: From the Archaeologist Records* [Online Book] URL: <http://qwercus.narod.ru/zz/formozov.htm> (date of access: February 20, 2016).

7. Binford, L. R. Archaeological Perspectives. In: S. R. and L. R. Binford (eds.). *New Perspectives in archaeology*. Chicago, Aldine, 1968. Pp. 5-32.

8. Childe, V. G. *Piecing Together the Past: The Interpretation of Archaeological Data*. Publisher: Frederick A. Praeger. N.Y. 1956. 188 p.

9. Leroi-Gourhan, A. *The Dawn of European Art: An Introduction to Palaeolithic Cave Painting*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

10. *Method and Theory in American Archaeology*. Univ. of Chicago Press, Chicago. 1958. 280 p.

11. Wobst, H. M. The Archaeo-Ethnology of Hunter-Gatherers or the Tyranny of the Ethnographic Record in Archaeology. *American Antiquity*. No. 43 (1978). Pp. 303-308.